

Татьяне Петровне Александровой – лучшей из «англичанок».

Конец брачного афериста

В аннотации к изданию «Джен Эйр», которое мне продали в начале 1990 года за два с половиной советских рубля¹ и квиток о сдаче 20 кило макулатуры, было прямо и недвусмысленно сказано, что книга повествует о бесправном положении женщин в буржуазной Англии.

Автор аннотации (а скорее всего, пользуясь последней словесной модой – авторка) вряд ли считала слово «буржуазный» чем-то плохим. Совершенно буржуазными были французские духи и помада, чуть менее буржуазными (и оттого менее прельстительно-порочными) – чешские сапожки, а бесправными были негры в Африке и женщины Востока, которых давно и бесповоротно освободил красноармеец Сухов путём снятия паранджи.

История Джен для автора аннотации и для миллионов советских читательниц и зрительниц знаменитого сериала с Тимоти Далтоном и Зилой Кларк была историей Золушки, которая не захотела выйти замуж за принца, пока тот был прекрасен и полон сил, но вышла за него, стоило ему стать беспомощным инвалидом. Потому что пожалела. Что в любви главное – жалеть, русские женщины всегда понимали хорошо, а на фоне безнадёжных алкашей и тюремных сидельцев даже безглазый и безрукий Тимоти Далтон был, безусловно, ценным трофеем.

Самый мощный болезненный эмоциональный отклик и у детей и у взрослых вызывали не борения Джен между чувством и долгом, а жестокое обращение с детьми в Ловуде, описанное в книге с «высоким социальным пафосом» и показанное в сериале весьма натуралистично. Англичане знали матчасть: сериал канал «Би-Би-Си» выпустил в 1983 году, а телесные наказания в школах у них запретили в 1987, чему программа «Время» посвятила отдельный небольшой сюжет. Советские родители вздыхали, глядя в экран, а двоечники почёсывали попки и хитро улыбались. Дело в том, что если в пропаганде дела Ленина телевидение восьмидесятых преуспело не сильно, то в пропаганде английского образа жизни преуспело вполне. Благодаря Холмсу-Ливанову и Поппинс-Андрейченко² любой дурак знал,

¹ 2 рубля 45 копеек, если быть точной.

² Фильмы Масленникова про Холмса, конечно, самые знаменитые, но в семидесятые-восьмидесятые годы на телевидении вышло ещё несколько дюжин фильмов на

что уж в Англии-то и преступность укрощена и дети послушные. А тут такой афронт, последний бастион пал.

Итак, персона Рочестера – и книжная, и сериальная, ничего кроме сладостного замиранья сердца у женской аудитории вызвать не могла. Исповедь Рочестера после сорванной свадьбы воспринималась как трагическая повесть истерзанного сердца. Потому что и читательницы, и зрительницы, и даже самые политически выдержанные советские литературные критики восьмидесятых годов очень плохо разбирались в юридических обстоятельствах викторианского быта. Проблемы аннуляции брака, майоратного наследования и адресной помощи малоимущим в работных домах от советских людей были бесконечно далеки, хотя те, кто учился по учебнику Бонк, название долговой тюрьмы Маршалси³ запомнили на всю жизнь.

Для Шарлотты Бронте и её сестёр-писательниц эти проблемы были ближе некуда. Достойный жалости принц-двоеженец, терзаемый сумасшедшим монстром с чердака, выглядит совсем иначе, если чуть глубже заглянуть в исторический контекст романа. Для начала выясним, как же мистер Рочестер попал в лапы безумной Берты Мэзон.

I

Если внимательно вчитаться в текст, мы увидим, что владение Рочестеров было скорее всего майоратным (что для Англии до сих пор не редкость). Младшие сыновья в такой системе наследования не получали ни гроша и отправлялись на флот, в армию или в колонии – искать фортуны.

Эдвард был именно младшим сыном. Сам он говорит Джен, что отец его был «жаден и алчен» и не хотел выделить ему «справедливую долю наследства» (a fair portion). В лице мистера Рочестера мы имеем так называемого «ненадёжного рассказчика»⁴. Я рискну предположить, что нежелание делить земельную собственность никакого отношения к

викторианском и современном английском материале, где та самая бесправная буржуазная реальность выглядела такой завлекательной и уютной, что хотелось залезть в экран да там и остаться. Это «Чисто английское убийство» с Ботвинком-Баталовым и прерафаэлитски прекрасной Гражиной Байкштите, «Миллионы Ферфакса» с нею же и Будрайтисом, «Тайна чёрных дроздов» с Юрием Беляевым и так далее и тому подобное.

³ Если вам больше 40, проверьте себя: воспроизведите фонетическую транскрипцию словосочетания Marshalsea Debts Prison и вспомните, как она попала в советские учебники.

личным качествам отца не имело: сделать этого он просто не мог по закону, а денег, чтобы выплачивать младшему сыну достойное содержание, купить должность или офицерский патент не было.

Несомненной правдой можно считать лишь то, что отношения между братьями были не вполне доброжелательными, как и отношения между младшим сыном и отцом. Об этом говорит и миссис Фэйрфакс, когда оправдывает перед Джен сомнительные манеры хозяина «детской травмой».

Следующий пассаж Рочестера относительно отца отдаёт совсем уж подростковой интонацией: «Однако он также не мог снести того, чтобы его сын стал бедняком» (*Yet as little could he endure that a son of his should be a poor man*). Безобразное поведение со стороны родителя, ничего не скажешь.

За фортуной на Ямайку Рочестер-старший отправляет Эдварда сразу после окончания колледжа, заранее сговорив для него богатую и прекрасную наследницу Берту Мэзон, за которой обещают тридцать тысяч фунтов стерлингов.

Сервис калькулятора инфляции (в Интернете есть и такая удобная вещь⁵) говорит нам, что эта сумма на современные деньги равна почти трём с половиной миллионам фунтов.

Для приданого дочери сумма огромная. Как мы помним, богатый дядюшка Джен оставил ей своё состояние целиком, и оно оказалось на треть меньше – двадцать тысяч фунтов.

Бронте не Достоевский, у которого гигантские состояния возникают из ниоткуда дважды за вечер и исчезают в камине, – у неё другой жизненный опыт и художественные задачи.

Или Мэзоны какие-то фантастические богачи, или Рочестер-старший назвал сыну общий размер состояния, которое Берта могла получить, останься она единственной наследницей после отца и братьев.

Но правда ли Берта наследница?

⁴ «Ненадёжный рассказчик» – термин в литературоведении, обозначающий персонажа, который по тем или иным причинам описывает искажённую картину событий.

⁵ Калькулятор инфляции, рассчитываемой на основе Индекса потребительских цен для США и других стран: <https://www.in2013dollars.com>

II

Братьев у Берты двое: старший, Ричард, который так неудачно приезжает проведать сестру, нарушив куртуазные манёвры Рочестера вокруг Джен и Бланш Ингрэм (и заработав кусаную рану), и младший, по выражению Рочестера, «совершенный идиот».

Важна ещё одна деталь: объявляя о невозможности брака с Джен, Ричард Мэзон довольно странно говорит о матери Берты. «Эдвард Фэйрфакс Рочестер из Торнфильд-холла в графстве ... и Ферндин-мэнора в графстве ... женился на моей сестре Берте Антуанетте Мэзон, дочери Джонаса Мэзона, коммерсанта, и его жены-креолки Антуанетты».

Вряд ли джентльмен стал бы говорить «жена-креолка» о собственной матери. Скорее всего, Берта и Ричард не родные брат и сестра, а единокровные. И слово «жена» тоже сомнительно: его отец вряд ли был женат на матери Берты – официальный брак с представительницей низшей расы был делом неподобающим для респектабельного британского коммерсанта. Стоит вспомнить, что потомки английских поселенцев до 60-х годов XX века низшей расой считали всех, в ком есть хотя бы 64 часть индейской или негритянской крови.

Безусловно, мать Берты не могла быть ни чёрной, ни мулаткой. Скорее всего, приехавший искать счастья на Ямайку молодой Мэзон-старший положил глаз на даму смешанного испано-африканского или англо-африканского происхождения – и африканского не более чем на четверть. Он мог открыто сожительствовать с нею и иметь детей – это не возбранялось из-за большой диспропорции между числом мужчин и женщин среди белого населения Ямайки. Но как только дела пошли лучше, Мэзон посватался к английской барышне из хорошей семьи и благополучно произвёл на свет наследников. При этом Мэзон, не в пример Томасу Джефферсону, признал дочь и дал ей своё имя.

В своей исповеди Рочестер говорит, что мать Берты на момент свадьбы находилась в сумасшедшем доме. Пользуясь случаем, он всячески прохаживается относительно моральных и психических качеств Ричарда и упоминает младшего брата Берты, клеймя идиотом. И вновь мне кажется, что мистер Рочестер лукавит по обоим пунктам.

«Мэзон-идиот» как и Ричард, скорее всего тоже единокровный брат Берты от законного брака её отца с англичанкой и к креолке Антуанетте отношения не имеет. Если же креолка была первой законной женой, она должно была умереть ещё до рождения старшего из законных сыновей от второй жены, Ричарда, который одного возраста с Рочестером.

Рочестер женится в 22 года, то есть мать-креолка умирает самое малое лет за двадцать до свадьбы дочери.

Слова «должна умереть» выглядят очень мрачно, но других вариантов жениться на белой женщине у Мэзона не было бы, женись он поначалу на креолке: расторжение брака по причине сумасшествия одного из супругов в описываемый период времени было невозможно⁶.

Но к вопросу о расторжении брака мы ещё вернёмся.

III

Даже если допустить, что все трое детей Мэзонов происходили от «сумасшедшей креолки» наследником огромных богатств семьи был, конечно же, Ричард, старший брат, а отнюдь не дочь.

Итак, девушка – безоговорочная наследница – в викторианской Англии вообще явление редкое. А полукровка Берта могла стать таковой лишь будучи законнорожденной и в случае смерти своих братьев. В случае же упомянутого выше майората, даже смерть братьев ей бы не помогла.

Скажем в скобках, что история дочерей, оставшихся без гроша в майоратном владении и фактически выброшенных на улицу единокровным братом после смерти отца, описана другой английской писательницей, Джейн Остин, в её «Чувстве и чувствительности».

Уговоримся же, что Берта не единственная наследница и происхождение её сомнительно.

Но конечно она не бесприданница – ведь ради приданого брак и затевался, и уж конечно Рочестер-старший как следует навёл справки.

Была ли Берта душевнобольной, особенно по современным стандартам – отдельный вопрос, на который вырос снежный ком англоязычной литературной критики и даже роман англичанки Джин Рис – фанфик-приквел к «Джен Эйр». В русском переводе роман называется «Антуанетта», а в оригинале *Wide Sargasso Sea*. Рочестер-младший, который о

⁶ Лишь после Акта о вопросах брака 1857 года (от публикации «Джен Эйр» прошло десять лет) прелюбодеяние, жестокость или оставление супруга стали законной причиной для развода в Англии. До этого момента развод был исключительно редкой и дорогостоящей процедурой и совершался каждый раз отдельным актом парламента. Безумие одного из супругов стало официальным поводом для развода в Англии лишь в 1937 году.

сумасшествии невесты тоже говорит довольно обтекаемо, как мы уже упоминали, свидетель ненадёжный.

После свадьбы молодожёны прожили на Ямайке четыре года, имели собственный дом с садом: Бронте устами Рочестера со вкусом описывает пейзаж с апельсиновыми и гранатовыми деревьями и ананасами. Насчёт ананасов автор несколько промахнулась (они вряд ли росли в саду, культура плантационная), но картина тропической роскоши впечатляет. Важно также, что вопреки расхожему мнению, в Карибском бассейне ни фруктовые деревья, ни корнеплоды⁷ сами не растут – за садом явно ухаживают рабы⁸.

То есть приданое не совсем пустяшное, а средствами жены Рочестер мог распоряжаться единолично, что было юридической нормой.

И вот в течение этих четырёх лет в Англии умирают брат и отец Эдварда: он получает Торнфильд и Ферндин в безраздельное владение. Становится «достаточно богатым», *rich enough*, по его собственным словам.

Но позвольте, как же богатства жены? Три с половиной миллиона фунтов?

Как же дом и сад? Это ли не богатство?

Можно предположить, что при заключении брачного договора семья жениха выговорила единовременную выплату, за счёт которой и был куплен дом с садом и рабы.

Но сумма эта наверняка была меньше обещанных трёх с половиной миллионов: приданое лишь часть наследства. Мэзоны не рассчитывали на доброту супруга к супруге сомнительного происхождения и качеств, получи он всё обещанное разом.

Да и безупречных качеств девушку отдавать замуж нужно с предосторожностью.

Стимул к хорошему поведению супруга состоял либо в возможности повышения содержания невесты (вместо или помимо суммы, полученной непосредственно после свадьбы), либо в возможности через жену получить наследство её отца, те самые миллионы. И гипотетически не только её собственную долю, но и долю братьев, один из которых недееспособен, а другой слаб здоровьем.

Последнее соображение наверняка имел в виду Рочестер-старший, когда сговаривал невесту.

⁷ Назвать ананас травой я не рискну, хотя по ботанической классификации точнее.

⁸ Ямайка – рабовладельческая колония, чёрные рабы составляли большинство населения. Реплика Рочестера о том, что иметь содержанку – всё равно что покупать раба, выглядит не такой уж риторической, ему было с чем сравнивать.

В общем и целом юридические оговорки были устроены так, чтобы Рочестеру живая Берта Мэзон была выгоднее мёртвой.

И оговорки своё дело сделали.

IV

Итак, Эдвард Рочестер, эсквайр, двадцати шести лет остаётся единственным наследником поместий в Англии, собственником недвижимости и плантаций на Ямайке, обладателем солидной суммы доходов от английских поместий и денег жены (пусть развратной и безумной).

Истинная мудрость, которую ему навял бриз из Европы (всё это цитаты из послесвадебного задушевного разговора с Джен) велит ему возвращаться домой, упрятать жену подальше на чердак и вести, как сейчас принято говорить, рассеянный образ жизни.

Далее он упоминает, как неудобно было везти «чудище» на корабле.

Но зачем же везти чудище?

Жить с женой Рочестер не хотел, на Ямайке оставаться не хотел и не мог (здесь у него было формальное основание – необходимость вступить в наследство).

Почему бы богатому наследнику не оставить жену в родительском доме?

Или оставить ей собственный дом, нанять сиделок и врачей, обеспечить уход? Договориться с подсунувшим хворую невесту тестем о соблюдении конфиденциальности, попытаться аннулировать брак?

Здесь стоит наконец перейти к вопросам бракоразводным.

В первой трети XIX века развода в Британской империи де-факто не было. Аннуляция брака (ретроспективное признание его недействительным) тоже было делом исключительно сложным. А главное, что безумие супруга или супруги поводом к разводу не являлись. Мужа или жену можно было отправить в лечебницу, но это не разрешало уз, наложенных законом и церковью.

Важно также то, что замужняя женщина полностью теряла гражданскую правоспособность.

Но принцип *feme covert* («покрытой» женщины, то есть женщины, чья правоспособность покрывается правоспособностью супруга) подразумевал не только «буржуазное бесправие» для самой женщины. На супруга тоже налагался ряд обязательств. В частности, мужчина, разобщиившийся с женой по собственной воле, был обязан обеспечивать ей кров, пищу и

одежду, оплачивать её долги и принимать на себя все иные обязательства в её отношении как в отношении недееспособного лица.

Ответ на все наши вопросы напрашивается следующий: Рочестер был наследником, но наследником далеко не богатым. Отец и брат оставили дела в полном беспорядке. Доходы с Торнфильда не позволили бы младшему сыну жить на широкую ногу, и он был полностью зависим от средств жены. А средства эти могли быть не капиталом, переданным в супружеское пользование, а процентами с капитала, который оставался в собственности семьи невесты, или твёрдой суммой, которую ему переводил тесть. Могло также быть оговорено условие, что в случае смерти Берты и отсутствия детей её приданое возвращалось родителям.

То есть ни о какой аннуляции брака речи быть не могло.

Оставив жену в родительском доме, Рочестер сам был бы вынужден полностью или частично её обеспечивать (не говоря уже о сомнительных перспективах наследования через отвергнутую жену в бездетном браке). Если же Мэзоны передали ему после свадьбы кругленькую сумму, наверняка на её использование мужем были наложены ограничения. Например, необходимость совместного проживания супругов. По умолчанию на Ямайке, под чутким присмотром тестя.

И здесь стоит вспомнить фразу Рочестера о тайной транспортировке жены на корабле. Она приобретает новое измерение, если предположить, что Рочестер увёз Берту в Англию против воли родителей.

«Достаточно богатым» Рочестер стал, лишь получив возможность пользоваться и деньгами жены, и доходами от Торнфильда единолично.

А проблему дудочки и кувшинчика преодолел похищением.

После чего запер жену на чердаке и на её деньги пустился в путешествие по европейским столицам.

И заехал даже в Петербург.

Удивительно, как на эту тему ещё нет фанфиков.

V

Сделать Мэзоны не могут уже ничего: формально муж обеспечивает Берте кров, пищу и уход. В смерти её Рочестер не заинтересован, хватит и этого.

Им остаётся лишь терпеть положение дел и аккуратно переводить деньги на содержание Берты (если таковое было установлено по брачному договору). Хотя, конечно же, иногда неплохо хоть как-то проверить, жива ли она и не уморил ли её нерадивый муж. А коли уморит, можно и о деньгах поговорить.

Семья Мэзонов – не профессиональные детективы, а Рочестер постоянно путешествует с места на место. Но когда он возвращается в Англию, общие знакомые немедленно сообщают об этом Мэзонам и в Торнфильд является ревизор.

Кстати, а почему Рочестер возвращается?

VI

Вероятней всего он просто поиздержался, «отделавшись от всех любовниц», по его собственным словам. Вспомним, что с Селиной Варанс Рочестер растратил не только иллюзии и юношеский пыл (удивительнее, что на момент знакомства с Селиной он их ещё сохранял после четырёх лет весьма эксцентричного брака), но и порядочную сумму денег. За Селиной последовали графини, баронессы, в которых он искал свой идеал, а под конец просто Гиацинты и Клары, в которых искал уже не идеала, но утешения в одиночестве. Можно предположить, что деньги, полученные от тестя, истощились или перестали поступать, доходы Торнфильда недостаточно высоки (арендаторы, по словам миссис Фэйрфакс, считают его хорошим хозяином, то есть таким, который отнюдь не дерёт три шкуры). Поместье нуждается в хозяйском присмотре, а хозяин – в новом источнике доходов. И опыт подсказывает ему обратиться к проверенному средству – богатой невесте, мисс Бланш Ингрэм.

Я намеренно выпускаю все эпизоды, посвящённые Джен до момента приезда Бланш и знатных гостей в Торнфильд: сейчас мы следуем внешней, не психологической канве событий. Оттенки отношений богатого холостого барина с домашними – *les nuances*, как говорил ещё один семейный барин, мы же сейчас строим хронологию его публичных дел и перемен финансового положения.

И в разгаре охоты на прекрасную Бланш, которой придаёт особую пикантность отчаянный вуайеризм гувернантки (вспомним приказ Рочестера Джен находиться в гостиной, где она вынуждена наблюдать брачные игры хозяина), как гром среди ясного неба появляется ревизор – Ричард Мэзон.

Рочестер, конечно же, мог предполагать, что ревизия рано или поздно явится, но поскольку сообщения в первой трети XIX века были куда медленнее нынешних, он не ожидал Мэзона ровно в момент охоты на крупную дичь.

Мэзон же ведёт себя довольно странно для человека, приехавшего нанести родственный визит сестре, пусть и сумасшедшей. Вряд ли его так уж терзает нетерпение (по всем счетам выходит, что они не виделись не менее года-двух), а попытка ночного визита скверно вяжется не только со здравым смыслом (она безумна, её нельзя волновать), но и с обычными приличиями (люди ночью спят).

Но Мэзон в глухой полночный час и в одиночку лезет на чердак.

Вряд ли влечёт его лишь родственная нежность: скорее чувство долга перед семьёй и мучительное нетерпение – жива ли сестра вообще? А если жива, то не помешает ли Рочестер узнать истинное её состояние? А может её подменили? Может быть держат, опоённой зельями, а в действительности она сохранила здравый рассудок?

Берта жива, но оправдывает худшие ожидания: она буйная сумасшедшая, зять прав, что держит её на чердаке. Родного брата не признала и пыталась лишить жизни.

Здесь можно на минуту отвлечься от семейно-денежных дел и поразмыслить над мотивацией Берты. Она показана достаточно разумной, чтобы мстить мужу за своё заточение и угрожать Джен – новой невесте. И уж во всяком случае она достаточно разумна, чтобы узнать родного брата – одного из тех, кто отдал её в руки чужого мужчины, позволил лишить близких, родины и свободы. Терять ей нечего – безумна она или разумна...

И вот ревизор в ужасе отправляется восвояси, оставив зятя надзирать за сестрой и ожидать обещанного в брачном контракте наследства (проедая выделяемое жене содержание или остаток переданного после свадьбы капитала).

Я опускаю вопрос о том, не было ли вызвано сугубое отвращение Рочестера к жене тем, что она не смогла подарить ему наследника, и не пытался ли он этого наследника произвести, наезжая в Торнфильд. Имея сына, он мог бы быть уверен в сохранении приданого жены, но такая мрачная готика излишняя в нашей сугубо денежной истории.

VII

Ревизор уехал, опасность миновала, но ухаживание за прекрасной Бланш внезапно прерывается. Рочестер прекращает свои визиты к Ингрэмам и обращает свой взор на скромную гувернантку Джен, предлагая ей руку, сердце и «всё чем владеет» в русском переводе. Оригинал чуть менее категоричен, Рочестер предлагает Джен *a share of all my possessions*, т.е. «долю во всём чем я владею».

Тут стоит в очередной раз задаться вопросом, чем же он владеет.

И видимо родные прекрасной Бланш именно этим вопросом и задались, из-за чего Рочестер и получил от ворот поворот в Ингрэм-парке.

Перед визитом гостей миссис Фэйрфакс говорит Джен, что Ингрэмы не столько богаты, сколько знатны, и за Бланш дают относительно скромное приданое (земли и строения отходят старшему брату Бланш, молодому лорду). Однако даже небольшое приданое за дочь лорда лучше, чем ничего, а титулованный шурин – сам по себе капитал. В частности, для того, чтобы при его содействии без шума добиться расторжения прежнего брака – или вечного молчания Мэзонов. Вряд ли Ингрэмы захотели бы оскандалить дочь, раскрыв двоежёнство Рочестера.

Наш ненадёжный рассказчик говорит, что он сам и распустил слухи о том, что его состояние меньше, чем было принято считать. И вот гордые Ингрэмы дают от ворот поворот недостаточно состоятельному жениху, не оценив его нравственных и физических достоинств. Едва ли не фольклорный мотив испытания невесты – воистину достойный романтического героя! Но таков Рочестер в восприятии Джен, которой он сам (опять же, по его словам) устроил мучительное испытание ревностью к Бланш.

Ради чего?

VIII

Можно предположить, что в видах соблазнения. Однако Рочестер старательно подчёркивает Джен, что обожает не её смертную оболочку, а нравственные качества: преданность, последовательность, твёрдость. Понятно, что такая лесть – арсенал любого ловеласа, но здесь он быть может и не лжёт. Рочестер понимает, что дело с женитьбой на Бланш может и не выгореть, и ему позарез нужен верный и преданный человек, любящий его как самоё себя. Не столько для плотских утех, сколько для элементарного сообщничества в реализации альтернативного плана по улучшению финансового положения.

На следующее утро после объяснений в саду, полных апелляций к высшим ценностям и соображениям, Рочестер заявляет Джен, что он написал поверенному в Лондон о фамильных драгоценностях, которые намерен ей преподнести, и грозит надеть ей на голову едва ли не золотую корону.

Любопытный контраст с предшествующим стилем ухаживания, когда Рочестер всячески подчёркивал нравственное и умственное равенство между собою и Джен. Безотносительно нашей «конспирологической» истории такой перелом обнажает основы брачных и любовных отношений, принятых в обществе и тогда и сейчас: власть у того, кто одаривает.

Драгоценности Рочестер называет *heirlooms for the ladies of Thornfield*, «достояние хозяек Торнфильда». Одно из толкований слова *heirloom* «имущество, наследуемое вместе с недвижимостью», то есть в случае Рочестеров – часть майоратного владения.

Драгоценности, которые включены в майорат, не являются собственностью держателя майората. Они десятилетиями могут лежать в банковской ячейке у поверенных и выдаваться «на руки» по особым поводам и на особых условиях. Рочестер упоминает, что настоятельно просил отца и брата держать свой брак с Бертой в тайне. Поверенные, принявшие дела от Рочестера-старшего, вполне могут находиться в заблуждении относительно гражданского статуса Рочестера-младшего и за отсутствием законной супруги не имели повода выдать предназначенные ей драгоценности на руки наследнику. А наследнику, скорее всего, такая крайность и не требовалась – средства безумной жены истощиться ещё не успели.

Брак – равный или мезальянс, нужен Рочестеру, чтобы наложить руку на фамильные драгоценности, которые являются частью майоратного владения с их последующей продажей за границей, куда он намерен отправиться непосредственно после свадьбы. Через полчаса, о чём указания заботливо отданы слугам и кучеру.

А новая супруга (напомним – честная, верная и преданная) полезна в том числе как возможный козёл отпущения, если обман с двоежёнством и продажей фамильных драгоценностей вскроется.

Юная гувернантка-авантюристка склонила пылко влюблённого джентльмена, обезумевшего от страсти, к фальшивому браку, завладела фамильными драгоценностями и скрылась. Скрылась, ваша честь, и я не сумел её найти.

IX

Но всё же нашёл. После долгих мытарств Джейн возвращается к своему ослепшему однорукому хозяину и создаёт крепкую английскую семью. И опять – чёрт возьми! – Рочестер получает невесту с приданым.

Это не миллионы Мэзонов и не титулованные связи Ингрэмов, но для человека, чьё родовое имение сгорело, и пять тысяч фунтов (почти 600 тысяч на нынешние деньги) – неплохой куш, согласитесь.

Мы закончили детальное рассмотрение сюжетной линии Рочестера на бегстве Джен, не упомянув эпизода с пожаром Торнфильда. Не буду подробно останавливаться на механизме события, но отмечу лишь, что там где романтическое воображение видит катастрофу, здравый рассудок наблюдает страховой случай.

Рочестер мог умышленно совершить поджог или (что надёжнее), подтолкнуть к нему склонную к пиромании БERTУ, просто оставив ей спички и подпоив Грейс Пул. Вопрос о судьбе страховой премии и обстоятельствах, при которых он получил травмы, остаётся открытым.

Да простит меня читатель (и за новое отступление, удлиняющее мой рассказ, и за полное слияние со стилем романа), но к истории Рочестера я добавлю анализ одного из эпизодов личной сюжетной линии Джен.

Получив предложение Сент-Джона Риверса ехать в Индию, Джен отказывается ему, ибо тот требует от неё вступления в брак без любви и сам любви не обещает. Важные слова Сент-Джона о том, что «мы должны стать одним целым» советский и русский читатель (скорее всё же читательница) трактует однозначно как метафору.

Сент-Джон красноречив и склонен к метафорам, но его речь сильно отличается (и в лучшую сторону) от цветистых оборотов Рочестера. Деспотический и честолюбивый, он всё же не лжёт Джен, а под «единым целым» понимает не абстрактное родство душ, а тот самый юридический принцип *feme covert*, который лишает замужнюю женщину всех имущественных прав. В том числе и прав на новообретённое наследство дяди, которое Джен столь благородно поделила с Сент-Джоном же и его сёстрами.

Джен с детских лет испытывает тяготы, связанные с зависимостью от чужих людей: даже до трагедии в Торнфильде она не была совершенно наивной. Не поддавшись сетям соблазна, сделав правильные выводы из рассказов Рочестера о том, как меняется отношение мужчины к наскучившим любовницам, любовницей она не стала. И видя трагедию отвергнутой жены, заключённой на чердаке в комнате без окон, не могла не осознать, как тонка грань, отделяющая жену законную от положения, которое куда хуже положения отвергнутой любовницы. И снова ей предлагают отдаться на милость мужчины, от которого она не сможет сберечь ни уголка в душе, ни пенни личных средств (чтобы невеста сохранила за собой для личного пользования часть приданого, желательно, чтобы оно было собственностью семьи, а семьи у Джен нет, кроме того же Сент-Джона и его сестёр).

И Джен выбирает независимость.

Этот подтекст, который для современного Бронте читателя подтекстом не был, стал одной из многих причин, по которым роман был объявлен безнравственным.

...

Другие причины были не менее очевидны, но главная из них заключается в том, что главный «ненадёжный рассказчик» романа – сама Джен.

Её устами автор набрасывает узорный покров юмора и фантазии, любовного томления и ожидания счастья на историю о чудовищной жестокости людей и общества, драму безнаказанного насилия и безвинного страдания.

Мы рассмотрели эту историю в намеренно конспирологическом ключе, подчёркивая и развивая самые мрачные варианты событий, косвенные указания на которые разбросаны в тексте. Подобное толкование одной из «великих историй любви», любимых нашими мамами и бабушками, вызывает некоторый дискомфорт.

Английские критики 1847 года видели сквозь узорный покров куда яснее, и дискомфорт испытывали куда более значительный. Они увидели и социальную (социалистическую) критику, и протест против драконовских брачных законов, и нападки на догматизм и небезупречные моральные качества клира. Критикесса Элизабет Истлейк в одном из номеров журнала «Квотерли Ревью» за 1848 год охарактеризовала роман следующим образом: «Несомненно, роман «Джен Эйр» написан в том самом идейном и умственном направлении, которое ниспровергает авторитеты, нарушает все человеческие и божеские установления и насаждает чартизм⁹ и непокорство у домашнего очага»¹⁰.

Тот же приём у критиков встретил и роман «Незнакомка из Уайлдфелл-холла», написанный сестрой Шарлотты, Энн Бронте. При недолгой жизни автора он наделал куда больше шума, чем ставший впоследствии культовым «Грозовой перевал» сестры Энн и Шарлотты, Эмили. Автор посмела описать в нём, например, историю матери, которая спасает шестилетнего (sic!) сына от привитого родным отцом пристрастия к вину. Методика лечения младенческого алкоголизма описана в таких деталях, которые способны вызвать дрожь и у читателя двадцать первого века.

Вообразите реакцию консервативной критики века девятнадцатого.

Но вернёмся к «Джен Эйр». Компактный на первый взгляд «женский роман» от первого лица как матрёшка открывает множество вложенных одну в другую мужских и женских историй. Как мы уже упоминали в начале, все они до косточек обглоданы англоязычной литературной критикой – от первых гневных отповедей в адрес Каррера Белла (псевдоним Шарлотты Бронте) до феминистических исследований, посвящённых судьбе Берты Мэзон. Советская и постсоветская критика тоже не оставили и «Джен Эйр» и творчество сестёр Бронте в целом просвещённым вниманием. Но теоретическая просвещённость этого внимания, связанная с

⁹ Демократическое движение за права неимущих.

¹⁰ We do not hesitate to say that the tone of mind and thought which has overthrown authority and violated every code human and divine abroad, and fostered Chartism and rebellion at home, is the same which has also written Jane Eyre.

хронотопами и жанровой организацией, сильно уступала просвещённости, так сказать, практической.

Сложно по-настоящему прочувствовать фактуру романа, если развод не считала делом постыдным даже твоя бабушка, а приданое всерьёз готовила разве что прабабушка, да и было того приданого царский золотой рубль и отрез на платье.

Не то в Англии, где развод по сию пору совершается по средневековым законам, а последняя продажа жены (формат развода для бедных) зафиксирована документально в 1913 году.

Американские же школьники, которые пока не дождалась полной законодательной отмены телесных наказаний¹¹, делают задания следующего вида:

1. Напишите сочинение или сделайте в классе подробный доклад о том, как был устроен тот вид наследования, благодаря которому Эдвард Фэйрфакс Рочестер получил Торнфильд и Ферндин.
2. Напишите сочинение или сделайте в классе подробный доклад о том, благодаря каким законам Эдвард Рочестер полностью распорядился наследством Берты после их свадьбы.
3. Исследуйте брачные законы вашего штата, затрагивающие вопрос собственности. Напишите сочинение о том, насколько эти законы справедливы или несправедливы. Обоснуйте свою позицию ссылками на конкретные примеры.

Эти задания процитированы из книги мистрис Дебры Тичман «Понять “Джен Эйр”»: проблематика, литература и документы, справочник для учащихся» [4].

Если бы в том далёком и мирном московском советском году вместе с экземпляром книги мне выдали такой справочник, моя жизнь, возможно, была бы совсем иной.

Ибо каждая из нас Ученица, Возлюбленная и Сумасшедшая на чердаке.

И чудовищно ненадёжный рассказчик.

¹¹ На 2019 год 32 штата и округ Колумбия прекратили практику телесных наказаний в государственных школах, хотя прямо выраженного запрета в некоторых из этих штатов не существует. Телесные наказания также незаконны в частных школах Айовы и Нью-Джерси. В восемнадцати штатах США телесные наказания не запрещены законом и в частных и в государственных школах.

Литература

1. Смирнов Евгений Рафаилович, Поварова Анна Евгеньевна: Институт брака и правовое положение женщины в Англии XIX века//Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013 , №3 (1) с. 332 – 355.
2. Long Hoeveler, Diane, Denenholz Morse, Deborah. A Companion to the Brontës. Wiley-Blackwell, 2016.
3. Randall Craig. Promising Language: Betrothal in Victorian Law and Fiction. SUNY Press, 1999.
4. Teachman, Debra. Understanding Jane Eyre: A Student Casebook to Issues, Sources, and and Historical Documents. Greenwood Press, 2001.